

ПОСЛЕДНЕЕ
КОРОЛЕВСТВО

Посвящается Джуди, с любовью

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий», хотя словарь, разумеется, не является истиной в последней инстанции. В упомянутом словаре приводятся написания, относящиеся примерно ко времени правления Альфреда — 871–899 годам н. э.; к примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и Хейлинсиге, и Хаэглингейгге. Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Басенгас — Басинг, Хэмпшир

Батум (с ударением на первом слоге) — Бат, Эйвон

Бebbанбург — замок Бамбург, Нортумберленд

Бемфлеот — Бенфлит, Эссекс

Бердастополь — Барнстейбл, Девоншир
Беревик — Берик-над-Твидом, Нортумберленд
Беррокшир — Беркшир
Блаланд — Северная Африка
Верхам — Уорегем, Дорсетшир
Вишир — река Веар
Вилтун — Уилтон, Уилтшир
Вилтунскир — Уилтшир
Винбурнан — монастырь Уимборн, Дорсетшир
Винтанкестер — Уинчестер, Хэмпшир
Гевэск — залив Уош
Гегнесбург — Гейнсборо, Линкольншир
Гемптон — Саутгемптон, Хэмпшир
Гируум — Ярроу, графство Дарем
Глевекестр — Глостер, Глостершир
Грантакастер — Кембридж, Кембриджшир
Далриада — Западная Шотландия
Деораби — Дерби, Дербишир
Дефнаскир — Девоншир
Дис — Дисс, Норфолк
Дунхолм — Дарем, графство Дарем
Кантуктон — Каннингтон, Сомерсет
Кенет — река Кеннет
Кетрехт — Каттерик, Йоркшир
Контварабург — Кентербери, Кент
Корнуолум — Корнуолл
Кридиантон — Кредитон, Девоншир
Ледекестр — Лестер, Лестершир
Линдисфарена — Линдисфарн (Холи-Айленд), Нортумберленд
Лунден — Лондон
Меретон — Мартен, Уилтшир
Меслах — Матлок, Дербишир
Педредан — река Парретт
Пиктландия — Восточная Шотландия
Пул — залив Пул, Дорсетшир
Редингум — Рединг, Беркшир
Синуит — форт Синуит близ Каннингтона, Сомерсет
Сиптанхамм — Чиппенем, Уилтшир

- Сирренкастр* — Сиренкестр, Глостершир
Скиребурниан — Шерборн, Дорсетшир
Снотенгахам — Ноттингем, Ноттингемшир
Соленте — Солент
Стреонишел(л) — Стреншел, Йоркшир
Суз Сеакса — Суссекс (южные саксы)
Суморсэт — Сомерсет
Сэферн — река Северн
Сюннигтвайт — Суинитвейт, Йоркшир
Тайн — река Тайн
Твифирд — Тивертон, Девоншир
Темез — река Темза
Торнсэта — Дорсет
Трент — река Трент
Твид — река Твид
Уиск — река Эск
Уихт — остров Уайт
Фромтун — Фрамpton-на-Северне, Глостершир
Хайтабу — Хедебю, торговый город на юго-востоке полуострова
Ютландия
Хаманфунта — Хавант, Хэмпшир
Хамптонскир — Хэмпшир
Хейлинсиг(е) — остров Хайлинг, Хэмпшир
Холм Эска — Ашдон, Беркшир
Хрепандун — Рептон, Дербишир
Эббандуна — Абингдон, Беркшир
Эксанжестер — Эксетер, Девоншир
Эофервик — Йорк (датский Йорвик)

Часть первая

ЯЗЫЧЕСКОЕ ДЕТСТВО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В тот день датчане проявили смекалку: построили новые стены внутри города, заманили наших воинов на улицы, в ловушку между этими стенами, окружили и перебили. Они истребили не всю нортумбрийскую армию, потому что даже самые свирепые воины не любят такой резни, к тому же датчане выручали за рабов немало денег. Большинство захваченных в Англии рабов датчане продавали зажиточным хозяевам на диких северных островах или в Ирландии или же отправляли через море на свою родину, в датские земли. Но некоторых, как я выяснил, отвозили на большие рынки рабов к франкам и совсем немногих увозили туда, где не было зимы и где люди с лицами цвета жженого дерева платили хорошие деньги за мужчин, а еще больше — за молодых женщин.

Но перебили датчане тоже немало. Они убили Эллу, убили Осберта, убили моего отца. Элле и отцу повезло, они погибли в бою, с мечами в руках, а вот Осберта схватили и пытали той же ночью, во время пира в пропахшем кровью городе. Несколько победителей охраняли стену, некоторые праздновали в захваченных домах, но большинство собрались в замке побежденного короля Нортумбрии.

Туда меня и привел Рагнар.

Я не знал, зачем он меня сюда привел, и был почти уверен, что меня убьют или, в лучшем случае, продадут в рабство, но Рагнар заставил меня сесть с его людьми, дал мне жареную гусиную ножку, половину ковриги хлеба и кувшин с элем и друженски потрел по голове.

Остальные датчане сначала не обращали на меня внимания: они были слишком заняты выпивкой и потасовками, которые затевали по мере того, как напивались. Но больше всего они оживились, когда привели пленного Осберта и заставили биться с молодым воином, мастерски владевшим мечом. Датчанин потанцевал вокруг короля, затем отрубил ему кисть левой руки и вспорол живот скользящим ударом. Осберт был грузным человеком, и кишки его вылезли, как угри из садка; глядя на это, многие датчане чуть не померли со смеху. Король мучался долго, и, пока он молил его добить, датчане распинали захваченного священника, который принимал участие в битве.

Наша религия изумляла датчан и вызывала у них отвращение. Они разозлились, когда руки священника сорвались с гвоздей. Кто-то сказал, что таким способом невозможно убить человека, и они затеяли об этом пьяный спор, а потом попытались прибить священника к деревянной стене зала второй раз, но скоро им наскучила такая забава, и один из воинов проткнул грудь пленного копьем, раздробил ему ребра и пронзил сердце.

Когда священник умер, несколько человек обратили внимание на меня и, поскольку я был в шлеме с позолоченным ободом, решили, что я королевский сын. Они нарядили меня в мантию, кто-то полез на стол, чтобы на меня помочиться, но тут раздался зычный крик — это Рагнар протиснулся сквозь толпу. Он сорвал с меня мантию, произнес горячую речь, смысла которой я не понял, и его слова всех остановили. Рагнар обнял меня за плечи, подвел к возвышению сбоку зала и жестом велел туда подняться. Там в одиночестве ужинал старик — слепой, с молочно-белыми глазами, с морщинистым лицом, обрамленным седыми волосами, такими же длинными, как у Рагнара. Он услышал, как я поднимаюсь, и задал какой-то вопрос; Рагнар ответил ему и ушел.

— Ты, наверное, голоден, мальчик, — произнес старик по-английски.

Я не ответил. Меня испугали его слепые глаза.

— Ты что, испарился? — спросил он. — Или гномы утащили тебя в свои подземелья?

— Голоден, — сознался я.

— А, значит, ты все-таки здесь, — сказал он. — Тогда вот свинина, хлеб, сыр и эль. Назови свое имя.

Я чуть не сказал «Осберт», но вовремя вспомнил, что я Утред.

— Утред, — сказал я.

— Некрасивое имя, — заметил старик. — Сын велел мне присматривать за тобой, и я буду присматривать, но ты, в свою очередь, будешь присматривать за мной. Не отрежешь ли мне свинокки?

— Твой сын? — переспросил я.

— Ярл Рагнар, — пояснил он. — Иногда его называют Рагнар Бесстрашный. Кого здесь сейчас убили?

— Короля, — ответил я, — и священника.

— Которого короля?

— Осберга.

— Он славно умер?

— Нет.

— Значит, он был недостойным королем.

— А ты король? — спросил я.

Он засмеялся.

— Я — Равн. Когда-то я был ярлом и воином, но теперь ослеп, и от меня нет больше пользы. Лучше бы меня огрели по башке дубиной и отправили в загробное царство.

Я промолчал, потому что не знал, что ответить.

— Но я стараюсь приносить пользу, — продолжал Равн, ощупывая хлеб. — Я говорю на твоём языке, а ещё на языке бриттов, на языке вендов, на фризском наречии и на франкском. Теперь языки — моё ремесло, мальчик, потому что я сделался скальдом.

— Скальдом?

— По-вашему, бардом. Поэтом — тем, кто умеет рассказать о мечте, кто облакает в блеск ничто и ослепляет тебя этим блеском. И я должен рассказать так о сегодняшнем дне, чтобы люди никогда не забыли наших подвигов.

— Но если ты не видишь, — спросил я, — как же ты можешь рассказать о том, что произошло?

Равн засмеялся.

— Ты слышал об Одине? Тогда ты должен знать, что Один пожертвовал одним глазом, чтобы обрести поэтический дар. Так, может, я вдвое лучший скальд, чем Один, а?

— Я — потомок Вотана, — сообщил я.

— Правда?

Похоже, это произвело на него впечатление или же он просто проявил учтивость.

— Так кто же ты, Утред, потомок великого Одина?

— Я олдермен Беббанбургский, — сказал я.

Вспомнил, что теперь остался без отца, не сумел себя защитить, и, к стыду своему, расплакался. Равн не обратил внимания на мой плач: он прислушивался к пьяным выкрикам и пению, к визгу девиц, захваченных в нашем лагере и ставших наградой победителям... Это зрелище отвлекло меня от скорбных мыслей, потому что ничего подобного раньше я не видел; хвала Господу, позже я и сам не раз получал подобные награды.

— Беббанбургский? — повторил Равн. — Я был там до твоего рождения. Лет двадцать назад.

— В Беббанбурге?

— Ну, не в самой крепости, — признался он, — она слишком хорошо защищена. Я был севернее, на острове, где молились монахи. Я убил там шесть человек. Не монахов, воинов.

Он улыбнулся при этом воспоминании.

— А теперь расскажи-ка мне, олдермен Утред из Беббанбурга, что происходит в зале?

Так я сделался его глазами и рассказал, как пляшет народ, как мужчины сдирают с женщин одежду и что они с ними делают потом, но Равна это не заинтересовало.

— Что, — захотел он знать, — делают Ивар и Убба?

— Ивар и Убба?

— Они должны находиться на большом возвышении. Убба пониже и похож на бородатый бочонок, а Ивар — тощий, его даже прозвали Иваром Бескостным. Он такой худой, что, если взять его за ноги, им можно стрелять из лука.

Позже я узнал, что Ивар и Убба были старшими из трех братьев и военачальниками союзников датчан. Убба спал, опустив черноволосую голову на руки, которые, в свою очередь, покоились на остатках его трапезы, но Ивар Бескостный бодрствовал. У него были запавшие глаза, зловещее, похожее на череп лицо и желтые волосы, завязанные в хвост. На шее его красовалась золотая цепь, а на руках — множество золотых браслетов: датчане носили их как доказательство своей боевой удачи. С ним разговаривали двое: один стоял за спиной у Ивара и словно шептал ему что-то

на ухо, а второй, беспокойный с виду человек, сидел между двумя братьями. Я описал все это Равну, который захотел узнать, как выглядит человек, сидящий между братьями.

— Браслетов у него нет, — сказал я, — но на шее золотой обруч. Каштановые волосы, длинная борода, довольно старый.

— В твоём возрасте все кажутся старыми, — ответил Равн. — Должно быть, это король Эгберт.

— Король Эгберт? — Я никогда не слышал о таком короле.

— Он был олддерменом Эгбертом, — пояснил Равн, — но зимой заключил с нами союз, и мы наградили его, сделав королем Нортумбрии. Он король, но хозяева земли — мы.

Старик захихикал, и даже я понял, что он говорит о предательстве. Земли олддермена Эгберта лежали к югу от наших земель, он был на них таким же хозяином, как мой отец — на севере. Враги подкупили его, чтобы он не сражался, и вот теперь он стал королем, хотя было ясно, что король этот на коротком поводке у датчан.

— Если тебе суждено будет выжить, — сказал Равн, — я бы посоветовал засвидетельствовать Эгберту свое почтение.

— Выжить? — невольно переспросил я.

Я почему-то решил, что раз остался в живых в битве, то, конечно же, буду жить. Я был ребенком, и до сих пор за меня отвечал кто-то другой, но слова Равна перевернули мой мир. Никогда не стоит упоминать о своем звании, решил я. Лучше быть живым рабом, чем мертвым олддерменом.

— Думаю, тебе суждено выжить, — продолжал Равн. — Ты нравишься Рагнару, а Рагнар получает то, что хочет. Он сказал, что ты вызвал его на бой?

— Да, вызвал.

— Наверное, это развеселило его. Мальчишка нападает на ярла Рагнара! Должно быть, отчаянный мальчишка, а? «Слишком хороший мальчишка, чтобы просто так его убить», — сказал он. К сожалению, мой сын всегда был не чужд сентиментальности. Я бы просто снес тебе голову, но вот ты здесь, живехонек, поэтому, думаю, тебе следует пойти поклониться Эгберту.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что не совсем верно описываю события того вечера. Да, пир был, и на нем присутствовали Ивар и Убба, и Эгберт старался казаться королем, и Равн

был добр ко мне, только я был гораздо сильнее смущен и напуган, чем можно судить по моему рассказу. Но в остальном мои воспоминания о том празднике очень точны. «Смотри и учись», — велел мне отец. Равн заставил меня смотреть, и я учился. Я узнал, что такое предательство, особенно когда Равн позвал Рагнара, и тот, взяв меня за ворот, отвел на высокий помост. Ивар кивком даровал разрешение, после чего мне позволили приблизиться к столу.

— Король, — промямлил я и опустился на колени, так что изумленному Эгберту пришлось вытянуть шею, чтобы меня разглядеть. — Я Утред Бекбанбургский, — (Равн научил меня, что говорить), — и прошу твоего покровительства.

Повисла тишина, если не считать приглушенного бормотания переводчика Ивара. И тут проснулся Убба, несколько мгновений озадаченно озирался, словно не вполне понимая, где находится, потом уставился на меня — и я задрожал, потому что никогда еще не видел такого злобного лица. У него были темные, полные ненависти глаза, и мне захотелось провалиться сквозь землю. Убба ничего не сказал, просто смотрел на меня, прикасаясь к висящему у него на шее амулету в форме молота. У Уббы было такое же худое лицо, как и у брата, только вместо желтой косицы, спускающейся по шее, — копна буйных черных волос и густая борода, в которой застряли крошки ужина. Затем он зевнул — и я словно заглянул в пасть зверя. Переводчик заговорил с Иваром, который о чем-то спросил; потом переводчик обратился к Эгберту, пытавшемуся принять суровый вид.

— Твой отец, — произнес король, — предпочел сражаться с нами.

— И погиб, — ответил я.

Слезы навернулись мне на глаза, я хотел что-то добавить, но не смог, только по-детски всхлипнул, и меня обожгла огнем насмешливая улыбка Уббы. Я сердито утер нос.

— Мы решим твою судьбу, — высокомерно произнес Эгберт, и меня отпустили.

Я вернулся к Равну, который потребовал, чтобы я все подробно ему рассказал. Старик улыбнулся, когда я упомянул злое молчание Уббы.

— Он выглядит страшно, — согласился Равн. — Я точно знаю, что он убил шестнадцать человек в поединках и несколько дю-

жин в сражениях, но при дурных предзнаменованиях он не станет биться вообще.

— Предзнаменованиях?

— Убба — очень суеверный молодой человек, — сказал Равн, — но к тому же опасный. Я дам тебе один совет, юный Утред: никогда, ни при каких обстоятельствах не сражайся с Уббой. Даже Рагнар побоялся бы с ним драться, а мой сын редко испытывает страх.

— А Ивар? — спросил я. — С Иваром твой сын стал бы драться?

— С Бескостным? — Равн задумался. — Он тоже страшный и не знает жалости, зато у него есть здравый смысл. Кроме того, Рагнар служит Ивару, если вообще кому-то служит, они друзья, так что драться они не станут. А вот Убба... Только боги говорят ему, что делать. Бойся того, кто получает приказы от богов. Отрежь-ка мне поджаристой корочки, мальчик, больше всего в свинине я люблю корочку.

Сейчас я уже не вспомню, сколько времени провел в Эофервике, помню только, что меня запрягли в работу.

Мою красивую одежду забрали и отдали какому-то мальчишке-датчанину, а вместо нее вручили проеденный молью шерстяной балахон, который я подвязывал куском веревки. Несколько дней я готовил Равну еду, но потом пришли еще корабли с женщинами и детьми — семьями победителей, и вот тогда я осознал, что датчане приехали, чтобы остаться в Нортумбрии.

Приехала и жена Равна, крупная женщина по имени Гудрун; ее хохот мог бы свалить наземь вола. Она прогнала меня от очага, у которого теперь хлопотала жена Рагнара Сигрид, с волосами цвета залитого солнцем золота, спускающимися до талии. У них с Рагнаром было два сына и дочь — Сигрид родила восьмерых детей, но выжили только эти трое.

Рорик, второй сын, был на год младше меня, и в тот день, когда мы познакомились, накинулся на меня с кулаками, но я повалил его на спину и мутузил до тех пор, пока Рагнар не поднял нас обоих, стукнул лбами и велел помириться. Старший сын Рагнара, тоже Рагнар, был восемнадцатилетним юношей, почти мужчиной. Его я не видел, потому что он был в Ирландии, где учился сражаться и убивать, чтобы стать ярлом, как его отец.

Позже я познакомился с Рагнаром Младшим, очень похожим на отца — всегда бодрым, жизнерадостным, охотно берущимся за любое дело, дружелюбным со всеми, кто его уважал.

Как и все остальные дети, я не болтался без дела. Вечно требовалось принести дров или воды, а два дня я провел, помогая обжигать зеленый налет с корпуса одного из судов. Все это мне нравилось, хотя приходилось драться с дюжиной датских мальчишек. Все они были крупнее меня, и я вечно ходил с подбитыми глазами, растянутыми запястьями, выбитыми зубами и в синяках. Самым главным моим врагом стал мальчишка по имени Свен, на два года старше, очень крупный для своего возраста, с круглым глупым лицом, отвисшей челюстью и бешеным нравом — сын одного из рулевых Рагнара по имени Кьяртан.

Рагнару принадлежало три корабля, сам он командовал одним, Кьяртан — вторым, а высокий обветренный викинг Эгил правил третьим. Кьяртан и Эгил, конечно же, были еще и воинами: рулевые водили свои команды в бой и считались важными людьми, на их руках болталось много тяжелых браслетов. Сын рулевого Кьяртана, Свен, возненавидел меня с первого взгляда и называл английским дерьмом, козьим навозом и собачьей вонью. Он был старше и крупнее и запросто мог меня побить, но я уже успел обзавестись друзьями. По счастью, Рорика Свен ненавидел почти так же сильно, как и меня, и вдвоем с Рориком мы могли дать отпор, поэтому через некоторое время Свен начал обходить меня стороной, если не был уверен, что я один. Поэтому, если забыть о Свене, лето было чудесным. Я вечно ходил чумазым и голодным, но Рагнар все время веселил нас, и я редко чувствовал себя несчастным.

Рагнар часто уезжал, большая часть датского войска проводила лето, разъезжая по Нортумбрии и подавляя очаги последнего слабого сопротивления, но новостей датчане привозили мало, и никогда — о Беббанбурге. Судя по всему, северяне везде побеждали, потому что каждый день в Эофервик на поклон к Эгберту прибывали новые таны. Эгберт жил теперь в замке короля Нортумбрии, хотя победители вытащили из замка все, что имело хоть какую-то ценность. Пролом в стене починили в тот самый день, когда мы копали огромную яму на поле, по которому в панике бежала наша армия. Мы побросали в эту яму гниющие

тела нортумбрийских мертвецов. Некоторых я знал. Наверное, среди них был и отец, но я его не видел. Оглядываясь назад, скажу, что и не скучал по нему: он всегда был угрюм, вечно ожидал худшего и не любил детей.

Самой тяжелой работой для меня оказалась покраска щитов. Сначала требовалось выварить шкуры, чтобы получился клей — густая липкая масса, которую вливали потом в порошок из растертой большими каменными пестиками меди. В результате получалась тягучая голубая паста, ее наносили на новые щиты. После такой работы я несколько дней ходил с голубыми руками, зато щиты наши, висевшие на бортах корабля, смотрелись просто великолепно.

У всех датских судов тянулся по борту брус, на котором укреплялись щиты — внахлест, словно в боевом построении. Свежепокрашенные щиты предназначались для судна Уббы, и я помогал обжигать и чистить этот корабль. Убба вроде бы собрался уходить и хотел, чтобы его драккар красиво смотрелся. Нос судна круто выгибался над водой, словно грудь лебеда, а потом тянулся вперед, увенчанный головой полудракона-получервя. Голову эту можно было снять и положить на дно.

— Мы снимаем головы чудовищ, — объяснил мне Рагнар, — чтобы они не отпугивали духов.

К тому времени я уже немного понимал датский язык.

— Каких духов?

Рагнар вздохнул, столкнувшись с таким невежеством.

— У каждой земли есть свои духи, ее мелкие боги, и, когда мы подходим к своей земле, мы снимаем головы, чтобы духи в испуге не разбежались. Сколько раз ты сегодня дрался?

— Ни разу.

— Тебя уже боятся. А что это у тебя на шее?

Я показал. То был грубый железный молот, верней, маленький молоток размером с большой палец руки. При виде него Рагнар расхохотался и потрепал меня по голове.

— Мы еще сделаем из тебя датчанина, — сказал он с довольным видом.

Молот был посвящен Тору, датскому богу, почти такому же важному, как Один (так они называли Вотана). Я несколько раз спрашивал, главнее ли Тор, чем Один, но, похоже, никто этого

не знал, а может, им было все равно. У датчан не было священников, и мне это нравилось, ведь священники вечно запрещали делать то или другое, вечно пытались учить меня читать или требовали молитв. Жизнь без них текла гораздо приятнее.

Датчане и вправду легкомысленно относились к богам, хотя почти каждый носил на шее молот Тора. Свой я сорвал с шеи мальчишки, с которым подрался, и храню этот талисман до сих пор.

Корма корабля Уббы, выгибавшаяся так же высоко, как и нос, была украшена резной головой орла, а на верхушке мачты красовался флюгер в виде дракона. Щиты развесили по бортам; но позже я выяснил, что щиты служили лишь украшением и в море их убирали. Прямо под щитами располагались уключины, обитые кожей, по пятнадцать с каждой стороны. Когда корабль шел под парусом, уключины закрывали деревянными заслонками, чтобы в них не задувал ветер и судно не заливало водой.

Я помогал отчищать корабль, но, прежде чем мы приступили к работе, судно затопили в реке, чтобы избавиться от крыс и блох. Затем мы, мальчишки, отскоблили каждый дюйм дерева и законопатили каждый шов пропитанной воском шерстью. Наконец драккар был готов — как раз в день приезда в Эофервик моего дяди Эльфрика.

Я узнал о приезде дяди, когда Рагнар принес мне шлем, тот самый, с золоченым бронзовым ободком, рубаху, расшитую по подолу красными нитками, и пару башмаков. Было странно снова ощущать на ногах обувь.

— Причешись, парень, — сказал Рагнар, затем вспомнил о шлеме и надел его на мою всклокоченную голову. — Нет, не причесывайся, — ухмыльнулся он.

— Куда мы? — спросил я.

— Выслушать много слов, мальчик. Даром потратить время. В этом балахоне ты похож на франкскую шлюху!

— Это плохо?

— Да просто отлично! У них во Франкии отменные шлюхи: пышные, хорошенькие, дешевые. Идем.

Он повел меня прочь от реки.

В городе кипела жизнь, лавки были полны народу, улицы запружены навьюченными мулами. Стадо маленьких черных овец

вели на убой, и только овцы не расступились, чтобы дать Рагнару дорогу. Его репутация требовала почтительного отношения, но в облике его не было ничего пугающего: я видел, как датчане улыбаются, когда он приветствует их. Он назывался ярлом Рагнаром, или эрлом Рагнаром, но почитали его не за титул — весельчака и воина, отменявшего страх, словно паутину.

Рагнар привел меня в замок, который был просто большим домом, частично каменным, возведенным еще римлянами, а частично деревянным, построенным в более поздние времена. В римской части — просторной комнате с каменными колоннами и белеными стенами — ждал мой дядя, а с ним отец Беокка и дюжина воинов. Я знал их всех: они оставались защищать Беббанбург, когда отец мой уезжал на войну.

Косые глаза Беокки округлились при виде меня. Должно быть, я сильно изменился, оброс, почернел от солнца, стал худее, выше и шире в плечах. Потом он увидел у меня на шее амулет и, указав сперва на свой крест, затем — на мой молот, сделал укоризненное лицо. Эльфрик и его воины нахмурились, увидев меня, словно я их опозорил, но никто не произнес ни слова, возможно, из-за стражников Ивара: высокие, в кольчугах и шлемах, с боевыми топорами на длинных топорницах, они стояли вдоль стен в той части комнаты, где на деревянном помосте возвышался простой стул, служивший теперь тронем Нортумбрии.

Вошел король Эгберт, а с ним Ивар Бескостный и еще человек десять, включая Равна (теперь я знал, что он советник Ивара и его брата). Рядом с Равном шагал высокий человек с белыми волосами и длинной белой бородой, в длинном одеянии, расшитом крестами и крылатыми ангелами; позже я выяснил, что это Вульфгер, архиепископ Эофервикский, который, как и Эгберт, принес датчанам клятву верности. У короля был смущенный вид. Он сел, и переговоры начались.

Речь шла не только обо мне, но и о правителях Нортумбрии: кому из них можно доверять, а на кого следует напасть; какие земли отойдут Ивару и Уббе; какую дань будет платить Нортумбрия; сколько лошадей необходимо пригнать в Эофервик; сколько провианта доставить армии; кто из олдерменов останется в заложниках... А я сидел и скучал, пока не прозвучало мое имя. Тогда я насторожился и услышал, что дядя предлагает меня выкупить.

Идея с выкупом казалась довольно простой, пока два десятка человек не принялись спорить. Долгое время они обсуждали мою цену: датчане запросили немыслимую сумму в три сотни серебром, а Эльфрику было жаль расстаться даже с пятьюдесятью. Я ничего не говорил, просто сидел на разбитых римских плитах в конце зала и слушал. Три сотни превратились в двести семьдесят пять, пятьдесят стали шестьюдесятью, и так все и тянулось, и тянулось, пока наконец не заговорил дотоле молчавший Равн.

— Ярл Утред, — произнес он по-датски (я впервые услышал, как меня называют датским титулом «ярл»), — принес присягу королю Эгберту. Поэтому у него преимущество перед тобой, Эльфрик.

Слова перевели, и я увидел, как разозлился Эльфрик, когда к его имени не прибавили титула. Но у него и не было титула, не считая того, который он присвоил... Об этом я узнал, когда он тихо обратился к Беокке и тот заговорил от его имени.

— Олдермен Эльфрик, — сказал молодой священник, — не считает, что присяга ребенка чего-то стоит.

Разве я приносил присягу? Я такого не помнил; помнил только, как просил Эгберта о покровительстве — но я был слишком мал и путал эти две вещи. Да это было и неважно, важно было лишь то, что дядя присвоил Беббанбург и назвался олдерменом. Я потрясенно уставился на него, а он посмотрел на меня с явным отвращением.

— Мы полагаем, — сказал Равн, слепые глаза уставились на крышу зала (в ней отсутствовало несколько черепиц, и с потолка сыпал морозящий дождик), — что нам лучше будет служить принявший присягу, верный нам ярл Беббанбурга, а не человек, о верности которого мы ничего не знаем.

Эльфрик почувствовал, откуда дует ветер, и сделал самую простую вещь: подошел к возвышению, опустился на колени перед Эгбертом и поцеловал протянутую руку короля, получив в качестве поощрения благословение архиепископа.

— Предлагаю сто монет серебром, — сказал Эльфрик, принеся присягу на верность.

— Две сотни, — ответил Равн, — и ты должен будешь впустить в Беббанбург гарнизон из тридцати датчан.

— Я же дал клятву! — сердито заявил Эльфрик. — Нет необходимости отправлять датчан в Беббанбург.

Значит, Беббанбург не пал — и я сомневался, что когда-нибудь падет. Во всей Нортумбрии не было крепости надежнее, а может, и во всей Англии.

Эгберт все молчал, и Ивар тоже: стало ясно, что долговязому тощему датчанину наскучило происходящее, и вот он кивнул Рагнару, который оставил меня и отошел в сторонку поговорить со своим господином. Остальные смущенно ждали.

Ивар и Рагнар были друзьями. То была странная дружба совершенно разных людей: Ивар — вечно угрюмый, молчаливый, грозный, Рагнар — открытый и шумный. Старший сын Рагнара служил Ивару и уже сейчас, в восемнадцать лет, командовал датчанами, которые остались на землях Ивара в Ирландии. В том, что старший сын служит не отцу, а другому господину, не было ничего необычного. У самого Рагнара в командах служили два сына ярлов, чтобы в один прекрасный день унаследовать титул и богатство, когда научатся сражаться. Итак, Рагнар разговаривал с Иваром, Эльфрик шаркал ногами и смотрел на меня, Беокка молился, а король Эгберт, за неимением другого занятия, пытался принять величественный вид.

Наконец Ивар объявил:

— Мальчик не продается.

— Не подлежит выкупу, — мягко поправил Равн.

Эльфрик пришел в ярость.

— Я приехал... — начал он, но Ивар его прервал.

— Мальчик не подлежит выкупу, — прорычал он, развернулся и вышел из зала.

Эгберт смущенно приподнялся на троне, потом снова сел, а Рагнар подошел и встал рядом со мной.

— Ты мой, — сказал он тихо. — Я тебя купил.

— Купил?

— Заплатил серебром по весу моего меча, — объяснил он.

— Но почему?

— А может, я хочу принести тебя в жертву Одину?

Он потрепал меня по волосам.

— Ты нам нравишься, мальчик, — сказал он, — так сильно нравишься, что мы хотим тебя оставить. К тому же твой дядя

предложил мало серебра. Вот если бы он дал пять сотен, а? За такую сумму я бы тебя продал.

И он засмеялся.

Беокка поспешно пересек комнату.

— Ты в порядке? — спросил он меня.

— В порядке.

— Эта штука у тебя на шее... — Он протянул руку, чтобы сорвать молот Тора.

— Тронешь мальчика, жрец, — хрипло произнес Рагнар, — и я выправлю твои косые глаза, а потом распорю твоё брюхо до тощей шеи.

Беокка, разумеется, не понял, о чем говорит датчанин, но безошибочно уловил тон, и рука его застыла в дюйме от амулета. Понизив голос, чтобы слышал только я, он взволнованно прошептал:

— Твой дядя тебя убьет.

— Убьет?

— Он желает быть олдерменом. Вот почему он хотел тебя выкупить. Чтобы убить.

— Но... — запротестовал было я.

— Тсс, — прошипел Беокка.

Он поглядел на мои голубые руки, но не спросил, что со мной случилось.

— Я знаю, ты законный олдермен, и мы еще встретимся.

Он улыбнулся мне, опасливо покосился на Рагнара и вернулся на прежнее место.

Эльфрик уехал.

После я узнал, что датчане пообещали ему свободный проезд до Эофервика и обратно и сдержали обещание, но после переговоров он вернулся в Беббанбург и засел там. Он как будто хранил верность Эгберту, то есть признавал правление датчан, но они так и не поверили ему. Поэтому, пояснил мне Рагнар, дядя и оставил меня в живых.

— Мне нравится Беббанбург, — сказал Рагнар. — Я хочу его получить.

— Он мой, — упрямо заявил я.

— А ты — мой, — ответил он, — значит, Беббанбург тоже мой. Ты — мой, Утред, потому что я купил тебя, а значит, могу

сделать с тобой, что захочу. Могу сварить тебя на обед, если пожелаю... Правда, в тебе столько мяса, что не насытятся даже ласка. А теперь сними этот шлюхин наряд, отдай мне башмаки и шлем и ступай работать.

И я снова стал рабом и счастливым мальчишкой. Иногда, когда я рассказываю свою историю, меня спрашивают, почему я не сбежал от язычников и не отправился на юг, в земли, где не было датчан, но эта мысль просто не приходила мне в голову. Я был счастлив, я был жив, я был с Рагнаром, и этого мне было довольно.

* * *

К началу зимы прибыли новые датчане: пришло тридцать шесть кораблей, на которых было полно воинов.

Суда на зиму вытащили на берег, а команды со щитами и оружием отправились пешком туда, где собирались провести несколько следующих месяцев. Датчане раскидывали сеть над восточной Нортумбрией — не слишком частую, но все-таки целую сеть гарнизонов.

Они не смогли бы остаться, если бы им не позволили, но те олдермены и таны, что не погибли в Эофервике, теперь стояли на коленях, и мы сделали датским королевством, несмотря на Эгберта на его шутовском троне. Только на западе, в самой пустынной части Нортумбрии, не было датчан, но в той части страны не было и сил, способных бросить им вызов.

Рагнар занял земли к западу от Эофервика, в холмах. Он поселился там с женой и остальными домочадцами, и Равн с Гудрун тоже жили с ним, а все команды кораблей Рагнара расселились в близлежащих долинах.

Прежде всего пришлось заняться переустройством дома. Дом принадлежал раньше английскому тану, погибшему в Эофервике, но в нем не было большого зала; то было примитивное деревянное строение, покрытое ржаной соломой и папоротником, так густо поросшее травой, что издали дом походил на вытнутый холм. Мы сложили новую пристройку, не для себя, а для тех коров, овец и коз, которых оставляли на зиму, чтобы они принесли на следующий год приплод. Остальных животных забили — большую часть работы проделали Рагнар и его дружина,

но когда в загоне осталось всего несколько голов скота, Рагнар протянул топор Рорику, своему младшему сыну.

— Одним четким быстрым ударом, — приказал он, и Рорик попытался выполнить приказание отца, но оказался недостаточно силен и меток.

Животное забилося, истекая кровью, и его пришлось держать шестерым мужчинам, чтобы Рагнар сделал все, как следует. Тущу начали свежевать, а Рагнар протянул топор мне.

— Посмотрим, получится ли у тебя.

Передо мной поставили корову. Кто-то схватил ее за хвост, и она покорно опустила голову, а я взмахнул топором, ясно помня, куда каждый раз бил Рагнар. Тяжелое лезвие попало точно в цель, перерубило позвоночник у основания черепа, и корова шумно рухнула на пол.

— Мы еще сделаем из тебя датского воина, — сказал довольный Рагнар.

После забоя скота работы стало меньше.

Англичане, жившие в долине, принесли Рагнару дань мясом и зерном, как приносили и своим английским правителям. По их лицам было невозможно прочесть, что они думают о Рагнаре и его датчанах, но беспокойства местные жители не причиняли, и Рагнар позаботился о том, чтобы не беспокоить их.

Местному священнику разрешили остаться и отправлять службы в церкви — деревянном сарае, украшенном крестом, а Рагнар выносил решения в спорных вопросах, но всегда советовался с англичанином, знакомым с местными нравами.

— Нельзя жить где-то, если люди не хотят, чтобы ты там жил, — сказал он мне. — Они могут убить твою скотину, отравить твои колодцы, и ты никогда не узнаешь, кто это сделал. Надо либо перебить всех, либо научиться ладить с ними.

Небо становилось бледнее, а ветер прохладнее. Падали сухие листья. Основная работа теперь заключалась в том, чтобы кормить оставшуюся скотину и следить, чтобы поленница не становилась ниже. Мы, человек десять мальчишек, ходили в лес, и я научился мастерски орудовать топором, узнав, как свалить дерево минимальным количеством ударов. Самые большие стволы обычно стаскивали в селение на волах и лучшие оставляли для строительства, а остальные пилили и кололи на дрова.

То было время игр, и мы, дети, построили в лесу собственный большой зал из бревен, крытых папоротником, с барсучьим черепом, прибитым к крыше вместо черепа кабана, венчавшего крышу дома Рагнара. В нашем игрушечном зале мы с Рориком дрались за право быть королем, а Тайра, восьмилетняя сестра Рорика, неизменно становилась хозяйкой дома. Она пряла там же, в лесу, — потому что, если бы не напряла к концу зимы нужное количество шерсти, ее бы наказали — и наблюдала, как мы, мальчишки, разыгрываем потешные сражения на деревянных мечах.

Почти все мальчишки были детьми слуг или рабов и обычно требовали, чтобы я был английским старейшиной, а Рорик — датским военачальником. Мне в подчинение доставались самые маленькие и слабые, поэтому мы почти всегда проигрывали, а Тайра, унаследовавшая материнские волосы цвета белого золота, смотрела и пряла, вертя веретено левой рукой и вытягивая правой нитку из овечьей шерсти.

Все женщины пряли и ткали. Рагнар говорил: пятерым женщинам или дюжине девочек нужно прясть всю зиму, чтобы можно было соткать новый парус для корабля. Кораблям вечно требовались новые паруса, поэтому женщины работали не покладая рук. Еще они готовили еду, варили ореховую скорлупу, чтобы красить нитки, собирали грибы, дубили шкуры, приносили мох, которым все подтиралось, скатывали воск в свечи, солодили ячмень и восхваляли богов.

Богов и богинь было множество: некоторые жили только в нашем доме, другим поклонялись одни женщины, зато третьи были могущественны и вездесущи — например, Один и Тор. Но датским божествам редко поклонялись так, как христиане поклонялись своему Богу. Люди взывали к Тору, Локи, Одину, Викру или к другому великому богу, обитавшему в Асгарде (видимо, так называлось небо датских богов), но датчане никогда не собирались в церквях, как собирались мы в Беббанбурге по субботам и в дни святых. И поскольку у датчан не было священников, у них не было ни мощей, ни священных книг. Я не скучал ни по тому ни по другому.

Хотел бы я скучать по Свену, но его отец, Кьяртан, поселился в соседней долине, и Свен довольно быстро обнаружил наш

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕДНЕЕ КОРОЛЕВСТВО

Географические названия	8
Пролог	11
Часть первая. ЯЗЫЧЕСКОЕ ДЕТСТВО	37
Часть вторая. ПОСЛЕДНЕЕ КОРОЛЕВСТВО	207
Часть третья. КЛИН	284
Историческая справка	333

БЛЕДНЫЙ ВСАДНИК

Географические названия	340
Часть первая. ВИКИНГ	343
Часть вторая. КОРОЛЬ БОЛОТА	423
Часть третья. ФИРД	664
Историческая справка	729

Корнуэлл Б.

К 67 Последнее королевство. Бледный всадник : романы / Бернارد Корнуэлл ; пер. с англ. Е. Королевой, А. Овчинниковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 736 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-11040-3

Это история о тех временах, когда датские викинги поставили под сомнение само существование Британии, когда все английские королевства оказались на волосок от гибели. И только король Альфред, единственный правитель в истории Англии, названный Великим, был намерен отстоять независимость острова.

Герой романа Утред, в младенчестве похищенный датчанами и воспитанный ими как викинг, почитающий северных богов, повзрослев, вынужден решать, на чьей стороне он будет сражаться. Защищать ли свою истинную родину или встать на сторону завоевателей? Он должен сделать этот выбор сам, не надеясь, что судьба правит всем.

В книгу вошли два романа из цикла «Саксонские хроники».

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ
ПОСЛЕДНЕЕ КОРОЛЕВСТВО
БЛЕДНЫЙ ВСАДНИК

Редактор Елена Гуляева
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректор Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.01.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ISBN-19070-03-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/